

Воспоминания

ПЕРВЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФ. ФХМА, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ХИМИЧЕСКИХ НАУК
ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ КАРЯКИН (1907 — 1987 г.)

Зимой 1948/49 года (если не ошибаюсь) меня вызвал директор УПИ Аркадий Семенович Качко и предложил мне должность заведующего кафедрой физико-химических методов анализа. Такая вакансия открылась в связи с организацией в УПИ физико-технического факультета.

Организация кафедры начиналась с пустом месте: не было ни помещений, ни штата, ни оборудования. Все надо было создать заново, оборудовать лабораторию, смонтировать и отладить достаточно сложные приборы, разработать методики лабораторных работ, подготовить преподавательский персонал и, наконец, обеспечить чтение теоретического курса физико-химических методов анализа, начиная с осеннего семестра 1949/50 учебного года.

Прежде всего, институт обеспечил кафедру помещением, для чего был выделен отсек из нескольких комнат в здании химфака (3-й этаж корпус). В течение некоторого времени штат кафедры состоял из одного заведующего, который все время тратил на организационные вопросы и обеспечение необходимыми оборудованием. Следует отметить, что, учитывая большое значение вновь организованного факультета, директорат и лично А.С.Качко оказали большую и действенную помощь.

Сравнительно легко удалось обеспечить помещения лабораторий мебелью и необходимой электропроводкой. Водопровод и канализация были использованы без переделки.

Наконец, начало прибывать оборудование. Одним из первых приборов был доставлен спектрограф ИСП-22 и некоторые другие приборы для спектрального анализа (спектрофотометры, измерительный микроскоп и др.). Поскольку одному было невозможно справиться с тяжелым оборудованием, пришлось мне после раскладки ящиков пригласить студентов, чтобы они помогли извлечь спектрограф и спектрофотометр и поставить их на столы.

Лаборатория ФХМА, как и другие лаборатории факультета, считалась режимной, поэтому установку и налаживание приборов пришлось осваивать самому. Положение осложнялось тем, что в институте вообще не было специалистов по спектральному анализу, да и по другим физико-химическим методам. Я не представлял исключения и должен был учиться с азав всем при-

емам работ, используя единственные имевшиеся руководства Ю.С. Ляпкина и С.Л. Мандельштама. Хотя теперь все это представляется элементарно простым, в то время пришлось затратить много дней, прежде чем научился снимать спектры и их расшифровывать, используя эталоны стандартных образцов металлов.

Не так просто было овладеть даже таким простым прибором, как стилооскоп. Надо было «набить руку» на стандартных образцах, чтобы руководить практической работой студентов. В этот период на кафедре наконец-то появились второй сотрудник — препаратор Ася Рыж, милая девушка, очень старательная и способная. В сравнительно короткий срок она овладела стилооскопом и безошибочно выполняла все контрольные работы.

Немало трудов было положено на налаживание электрометрических методов анализа. Если с потенциометрией и кондуктометрией удалось справиться довольно легко, то полярография явилась камнем преткновения. Помимо полученных двух комплектов полярографа Фейрковского надо было наладить еще несколько кустарных полярографов. Пришлось прибегнуть к помощи крупного специалиста в этой области — доцента (ныне профессора, доктора) Армина Генриховича Стромберга, которого удалось за два месяца зачислить в штат кафедры (его основная работа была в УФАНе).

Примерно в это время начал складываться костяк кафедры. В штат были зачислены доцент В.Л.Золотавин, ассистент В.К.Кузнецова, ассистент Л.П.Жарова, ассистент В.В.Сергеевская, позднее Т.А.Соболева.

Надо сказать, что на кафедре образовался очень дружный коллектив, который, не считаясь со временем, обеспечил своевременный ввод в строй лаборатории ФХМА. Задание было выполнено, и к началу 1949/50 учебного года кафедра была готова к началу занятий. С сентября 1949 года начал чтение курса лекций по ФХМА, причем лекции посещались всем составом кафедры. Одновременно начался лабораторный практикум.

Положение осложнялось тем, что студенты были переведены на старшие курсы физтехса с разных факультетов, в том числе с таких, где учебным планом был предусмотрен недостаточный объем химических дисциплин, в частности аналитической химии.

Естественно, это вызвало дополнительные трудности для освоения ФХМА. Но, с другой стороны, необходимо отметить, что физтех комплектовался за счет лучших студентов разных факультетов, и это сыграло очень большую роль.

Студенты успешно осваивали довольно сложный материал, заниматься с ними было приятно, мы не знали, что такое неуспевающие или отстающие слушатели.

Не удивительно, что многие студенты первых выпусков физтеха впоследствии выдвинулись, выросли в крупных ученых, докторов наук и профессоров, возглавляли руководство промышленными предприятиями.

Таковы основные воспоминания о зарождении кафедры и лаборатории ФХМА, выросших впоследствии в прекрасно оборудованную научно-педагогическую организацию. Мне остается лишь дополнить свои воспоминания рассказом о том, как закончилась моя работа на физтехе и в УПИ.

Поздней осенью меня вызвал к себе А.С.Качко и поставил в известность о том, что он получил из министерства распоряжение откомандировать меня на один из заводов. Аркадий Семенович заметил, что этот вопрос не был с ним согласован, и усложнил меня, сказав, что он заявит решительный протест лично министру, учитывая необходимость моей работы на физтехе, и уверен в успехе такого демарша.

На этот разговор закончился, и я спокойно продолжал свою работу. Но во второй половине декабря меня снова пригласил к себе А.С.Качко. Меня сразу поразил его возбужденный вид. Он ходил по кабинету, засунув по своей привычке большие пальцы рук под прямые жилеты. Несколько минут он молчал, затем начал объяснять ситуацию.

Оказывается, Аркадию Семеновичу удалось связаться лично с министром С.В.Кафтановым, который сообщил, что министерство получило список нескольких научных работников, срочно командированных на один из заводов. Этот список, в котором числился и я, дал понять А.С.Качко, не подлежащий обсуждению, и что вряд ли найдется человек, который решится пойти к тов. Сталину, чтобы опротестовать его решение.

Вполне понятно, что на этом разговор наш был закончен, я получил указание сдать кафедру В.Л.Золотавину и с 5 января 1950 года уехал из Свердловска, выполняя правительственное предписание.